

КУЗИВАНОВА Ольга Юрьевна – к.и.н., доцент, директор Центра «Наследие» имени Путирима Сорокина (167000, Россия, Республика Коми, г.Сыктывкар, ул. Советская, 30; kuzivanova@krags.ru)

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ (к истории вопроса)

Аннотация. В постсоветский период выработывались концептуальные основы новой национальной политики России. В этом процессе возникли принципиальные позиции, которые требовали прояснения и конкретизации: это понятие российской нации, место и роль русского народа в концепции национальной политики, новая базовая модель национальной политики. В основе процесса идейно-концептуального строительства лежала насущная потребность формирования единой нации в рамках российского государства.

Ключевые слова: этнонациональная политика России, Концепция государственной национальной политики РФ 1996 г., Стратегия государственной национальной политики 2012 г., формирование российской нации, русский вопрос

Российская империя перестала существовать в период, когда в Западной Европе национализм как идеология образования самостоятельных национальных государств находился в самом расцвете. Существует много теорий нации и национализма. Наиболее известны теории, разработанные западными учеными, такими как М. Хрох, Э. Геллнер, Э. Смит, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум и др. Вне зависимости от причин и особенностей его появления, сам национализм как идеология и политика, по мнению большинства исследователей, представляет собой историческую закономерность того этапа истории, который характеризуется переходом общества от традиционного к современному, от доиндустриального к индустриальному.

Учитывая полиэтничность России, с момента, когда страна вступила на исторический путь модернизации (как перехода к обществу модерна и постмодерна), над ней дамокловым мечом навис призрак национализма, ставший в XX в. особенно успешной и плодотворной идеологией, которая привела к созданию в мире нескольких десятков новых государств.

В Советском Союзе формировалась надэтническая идентичность «советский народ», в то время как проблема этнонационализма снималась посредством политического авторитаризма и идеологической концепции классовой солидарности и интернационализма. Эта идеологическая конструкция поддерживала каркас всей национальной политики до конца 1980-х гг., когда ее несоответствие социально-политическим реалиям стало очевидным. Идеологический и политический этнонационализм, особенно в прибалтийских республиках, стал пусковым механизмом распада СССР.

Постсоветская Россия впервые должна была выработать такую политику по отношению к российским гражданам, а также многочисленным народам, ее населяющим, которая привела бы к национальному единству, вписалась в рамки демократического правового государства. В научном и общественно-политическом дискурсе стали осуществляться поиски основ новой коллективной идентичности («позитивная коллективная идентичность» [Зверева 2008], «макрополитическая идентичность» [Малинова 2010а; 2010б]).

Российская Федерация в отличие от СССР имела значительно большую устойчивость как единое государство и, соответственно, больше возможностей для консолидации нации в ее границах. По мнению А.А. Прусаускаса, по сравнению с Советским Союзом Россия имела ряд преимуществ в силу следующих факторов: русское демографическое ядро составляет 4/5 всего населения; значительная цивилизационно-культурная общность; сильные культурно-исторические связи народов; у большинства населения имеется историческая память о едином рос-

сийском государстве; незначительные социальные контрасты между этническими группами [Национальная политика... 1997: 385-394]. Остальные проблемы были решаемы через разработку конституционных и правовых норм демократического федеративного государства, разработку концепции единого многонационального гражданского общества, путем последовательной и взвешенной национальной политики.

В рамках западноевропейской традиции понятие нации — это вопрос гражданской солидарности, которой должно добиваться каждое государство, претендующее на развитие и достойное сосуществование с другими государствами-нациями. В логике постсоветского развития России предстояло стать государством, которое на внутренней и на внешней аренах выступает как единая нация. Но для этого надо было на концептуальном уровне согласовать все аспекты и нюансы внутреннего понимания нации, понимания того, что такое российская нация. В итоге выработка нового понимания нации и национальной политики проходила в рамках полномасштабной деконструкции советской национальной доктрины и политики.

Противоречия между уходящим в историю прежним и зарождающимся новым подходами можно проследить на конкретном примере изменения доктрины национальной политики. При подготовке Концепции государственной национальной политики, первый проект которой был представлен президенту РФ Б.Н. Ельцину еще в 1992 г., наметился конфликт, связанный с разным пониманием «нации» и «национального». Понимание российской нации как гражданской нации и многокультурной политической общности отстаивал директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков, который в то время был председателем Государственного комитета РФ по национальной политике (с февраля по октябрь 1992 г.). Оппонентами выступали представители политического и научного сообщества национальных республик. Наиболее известным из них был Р.Г. Абдулатипов, в то время председатель Совета национальностей Верховного Совета России, а в последующем — министр национальной политики РФ.

Как считал В.А. Тишков, российская нация имеет право на существование в том смысле, как это употребляется в отношении испанской, немецкой, французской наций, и синонимом чего является согражданство. Поэтому многонациональность России следует понимать как полиэтничность. Россия как демократическая страна должна обеспечить всем этническим группам (национальностям) право на развитие культуры, языка, традиций, что возможно в рамках такого института, как национально-культурная автономия [Тишков 1997: 618]. В.А. Тишков считал, что удовлетворение этнических интересов через экстерриториальную национально-культурную автономию не противоречит развитию общей лояльности к гражданской нации, а наоборот, укрепляет ее. Ученый позиционировал либерально-демократический подход в понимании российской нации.

Р.Г. Абдулатипов придавал этносам в составе России бóльшую роль, настаивал на их субъектности в национально-государственном развитии России, называя их «этноты-нации». «Нация как этнос — это категория историческая, которая формируется как общность людей со своим самобытным видением мира, как специфическая система культуры, языка, со специфическими формами взаимодействия этой общности с природой, обществом и друг с другом» [Абдулатипов 1997: 565]. В его понимании можно говорить о нации-этноты и нации-государстве как двух самостоятельных феноменах, которые должны не взаимоисключать друг друга, а дополнять. По мнению Р.Г. Абдулатипова, учитывая исторические особенности России, необходимо интегрировать нацию-этнос в нацию-государство, в результате чего будет сформировано гражданское «общество-нация-государство» [Абдулатипов 2001: 21, 24].

В отличие от концепта гражданской нации, которая своим стержнем имеет гражданские права, равенство перед законом, в этнонациональной концепции акцент делался сначала на межэтнические отношения, а затем на общегражданские. Разница в понимании «нации» являлась не только предметом отвлеченного научного спора, она непосредственно проявлялась в политической борьбе в россий-

ском политическом пространстве. Можно сказать, что позиция Р.Г. Абдулатипова отражала мнение региональных этноэлит, которые не собирались терять особый статус национальных субъектов федерации, а понятие нации-этноса являлось существенным идеологическим обоснованием данного статуса. По мнению академика В.А. Тишкова, любое утверждение нации-этноса в политическом дискурсе не было безобидным формулотворчеством, а могло привести к усилению этнонационализма на политической арене, что, в конечном итоге, угрожало целостности государства [Тишков 1997: 644].

Ситуация в начале 1990-х гг. в России действительно вызывала опасение усиления центробежных тенденций. Тем не менее дрейф в сторону идеологического формирования российской нации продолжался и становился все более явным. Считается, что первый нормативный шаг к реализации концепции нации в европейском понимании был сделан в Конституции РФ 1993 г., где вместо советского понятия «нации и народности» появляется понятие «российский многонациональный народ». И хотя это еще не было признанием гражданского понимания нации, такая формулировка в смысловом отношении ближе к понятию «российская нация».

В Концепции государственной национальной политики Российской Федерации от 15 июня 1996 г.¹ (далее – Концепция) сам термин «российская нация» еще не упоминался. Осталось традиционное понимание национального как в самом названии концепции – «национальная политика», так и в употреблении терминов: «национальные отношения», «межнациональные отношения», «национальные культуры народов РФ», «межнациональный мир и согласие». Авторы Концепции закладывали в документ основную цель – сохранение и укрепление единой российской государственности, а терминологические нюансы сохраняли определенный эклектизм концепций гражданской нации и этнонации.

Тем не менее в Концепции приобрели более четкие очертания новые аспекты национальной политики. Обеспечение условий для полноценного социального и национально-культурного развития всех народов России как главная цель государственной национальной политики напрямую связывалась с соблюдением прав и свобод человека. Целый раздел Концепции был посвящен такому направлению в национальной политике, как национально-культурная автономия, которая понималась как «экстерриториальное общественное формирование», «самоуправляемые общественные образования в местах компактного проживания национальных и этнических групп». Национально-культурная автономия как новый институт национальной политики также «размывала» прежний идеологический каркас, усиливая концепт гражданской нации. В политическом дискурсе все чаще использовались понятия «российский», «россияне» в отношении всех граждан России.

Однако дальнейшее формирование основ постсоветской национальной политики, предполагающее принятие законодательного акта, застопорилось. Проект федерального закона «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации», несколько раз вносимый в Государственную думу (в 2003, в 2006 гг.), так и не превратился в закон, поскольку не был достигнут экспертный и общественный консенсус по основополагающим вопросам национальной политики. По мнению многих авторов, не позволял превратить в федеральный закон концепцию государственной национальной политики так называемый русский вопрос. В экспертном сообществе нелиберальной ориентации самоидентификация русского народа рассматривалась как важнейшая концептуальная задача. А. Мигранян по этому поводу писал: «“Русский вопрос” в России, открытый до революции, остается таким же открытым вопросом и в настоящее время... С этой опасностью нам придется жить до тех пор, пока не завершится процесс самоидентификации русского народа» [Мигранян 1995].

Изначально авторы Концепции не включили в итоговый текст документа положение о русском народе как государствообразующем. Более того, Р.Г. Абдулатипов

¹ Указ Президента РФ от 15.06.96 N 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации». Доступ: <http://www.referent.ru/1/59660> (проверено 10.05.2015).

так комментировал ситуацию: «Комитет по геополитике Государственной Думы [90-е гг.] предлагает снять термин “россияне” как оскорбительный и внедрить только “русские”, а вместо “российского народа” только “русский народ”, требует национального самоопределения русских во всей Российской Федерации и восстановить “русский порядок”» [Абдулатипов 1997: 569]. В результате дискуссий в Концепции 1996 г. как компромисс появилось политкорректное утверждение: «благодаря объединяющей роли русского народа на территории России сохранились уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов».

Американский исследователь П. Ратленд, проанализировав национальную политику России с 1990-х гг., пришел к выводу, что хотя В. Путин и привнес стабильность и порядок в политическую систему России, но ему «во многом не удалось создать ясный проект, который говорил бы о будущем русской национальной идентичности и о месте нерусских народов в нем» [Ратленд 2011: 187]. Действительно, вплоть до 2012 г. не было ясности, какую из существующих моделей нации и этнической политики выберет Россия: модель российской (русской) нации, гражданской нации, политику «плавильного котла», интеграции или мультикультурализма. По этому поводу многие исследователи терялись в предположениях, в целом считая, что государство запаздывает в выработке ориентиров этнонациональной политики [Паин 2006: 34]. В выработке политического курса российской нации в это время активно принимали участие либералы, этнорегионалы, русские государственники, русские националисты. По мнению Г. Зверевой, вплоть до 2008 г. верховная власть в России активно поддерживала теоретические поиски экспертов в области обоснования ведущей роли русских как государствообразующей нации в российском нациестроительстве [Зверева 2008]. В целом же обоснованным выглядит утверждение О.Ю. Малиновой, что «государственная политика идентичности постсоветского периода демонстрировала значительную меру неопределенности, пытаясь так или иначе удовлетворить ожиданиям сторонников разных подходов» [Малинова 2010б]. На протяжении последних 20 лет российская власть подвергалась критике со стороны самых разных общественных и политических сил за отсутствие ясных ориентиров в национальной политике.

Между тем в постсоветский период, особенно в нулевых годах, социологи фиксировали у россиян устойчивый рост ксенофобии и влияния на общество идей русского национализма [Гудков 2005]. За короткий период число наиболее известных русских националистических организаций в России достигло почти четырех десятков, причем половина из них являлись радикальными [Перегудов 2013: 79]. Русский национализм стал усиливаться в ответ на вызов таких внутренних факторов, как сращивание этнического криминалитета и правоохранительных органов при бездействии или прямом попустительстве органов власти на местах (Кондопога, Манежная площадь, события в Пугачеве). Наиболее резонансным событием стали беспорядки на Манежной площади в Москве в декабре 2010 г. Примерно с этого же времени социологи отмечают рост ксенофобских настроений в отношении мигрантов из Средней Азии и Закавказья, особенно в Москве и Санкт-Петербурге. К осени 2013 г. после антимигрантских событий в Бирюлево (Москва) Левада-Центр констатировал самую большую поддержку среди населения России лозунга: «Россия – для русских!» (66% против 41% в 2012 г.)¹.

По мнению Д.Ю. Алтуфьева, русский национализм, не видя поддержки своей идеологии у государства, встал в оппозицию государству. Сам исследователь видит выход в символическом повышении статуса русского народа через признание его государствообразующим: «Большую роль <...> сыграет признание де-юре русского народа государствообразующим и связанной с этим его ответственности за сохранение, состояние и развитие государства. Тогда власть обретет возможность говорить от имени русских, тогда как русские получат необходимый им каркас государственности и соответствующую поддержку» [Алтуфьев 2012: 11].

¹ Волков Д.А. Интервью на пороховой бочке. – *НГ-Сценарии*. 26.11.13. Доступ: <http://www.levada.ru/02-12-2013/intervyu-na-porokhovo-bochke> (проверено 10.05.2015).

Однако последующие международные события заставили по-другому посмотреть на мнимые и реальные опасности национальной политики. В связи с событиями на Украине и присоединением Крыма к Российской Федерации произошли кардинальные изменения в социальном самочувствии населения страны, и были во многом сняты фрустрационные настроения граждан как последствия шока после распада СССР. Об этом свидетельствуют данные социологических опросов, показывающие, что постоянно повышающаяся в последние годы кривая роста сторонников слогана: «Россия — для русских!» — с 2014 г. резко пошла на спад. Число россиян, поддерживающих утверждение, что «Россия — общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ», по данным ВЦИОМ в апреле 2014 г. увеличилось до 57% с 37% в сентябре 2013 г.¹ Поскольку же в самой национальной политике к весне 2014 г. не произошло никаких существенных изменений, можно констатировать, что для российского народа (80% которого составляют русские) на первый план вышла ценность «Россия как сильное государство, великая держава». Русские в очередной раз выступили как народ-государственник.

Между тем с 2012 г. некоторые нюансы концептуального обоснования национальной политики России все же имели место. Своей предвыборной статьей «Россия: национальный вопрос» В.В. Путин заявил о своем видении новой концепции национальной политики в России. Наравне с понятием «гражданская нация» и «многонациональное государство» применительно к России он использовал термины «уникальная цивилизация», «полиэтническая цивилизация». По словам В.В. Путина, «самоопределение русского народа — это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром». В его понимании Россия — это «историческое государство», «государство-цивилизация»².

Уже 19 декабря 2012 г. была принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.³ (далее — Стратегия). В документе понятие «русской нация» широко используется наравне с терминами «русский народ», «многонациональный народ Российской Федерации», «народы России». Межнациональные отношения трактуются как межэтнические, многонациональность России — как полиэтничность. При этом русский народ в Стратегии — это «системообразующее ядро» Российского государства; благодаря русскому народу «сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов». В Стратегии говорится, что «современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код».

В своем выступлении на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. президент также обратился к этой проблеме: «...формирование именно гражданской идентичности на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями — необходимое условие сохранения единства страны»⁴.

Таким образом, Россия в постсоветский период была поставлена перед необходимостью поиска коллективной идентичности, которая во внутренней и внешней политике понимается как нация. При наличии в России таких особенностей, как многонациональность (полиэтничность), тяготение к политическому централизму и одновременно наличие регионального этноцентризма, фрустрационные настрое-

¹ ВЦИОМ: Пресс-выпуск №2611. 24.06.2014. «Россия - общий дом для разных народов». Доступ: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114874> (проверено 10.05.2015)

² Путин В. Россия: национальный вопрос. «Самоопределение русского народа — это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром». — *Независимая газета*. 23.01.2012. Доступ: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (проверено 11.07.2014).

³ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Доступ: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> (проверено 20.05.2015).

⁴ Выступление В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. Доступ: <http://www.kremlin.ru/news/19243> (проверено 11.07.2014).

ния русского народа как народа-государственника, пережившего дважды в XX в. разрушение государственности, российская власть столкнулась с трудностями выработки общей идентичности и консенсуса по идейным основам государственности.

Между тем в концептуальных основах национальной политики России весь постсоветский период утверждается трактовка гражданской надэтнической нации. В этой трактовке в последние годы Россия предстает как уникальная полиэтническая цивилизация, скрепленная общими ценностями, общей исторической памятью, единым культурным (цивилизационным) кодом. Новая модель национальной политики выстраивается не только через идейные поиски, но и посредством обобщения опыта практики в этой сфере, поиска консенсусных идей. Именно потому, что до сих пор идут поиски приемлемых формулировок, анализируется и обобщается практика в этой сфере, российская модель национальной (этнической) политики складывается как сложная система сдержек и противовесов.

Список литературы

Абдулатипов Р.Г. 1997. Нации на распутье: опасные заблуждения оракулов национализма. — *Национальная политика России: история и современность*. М.: Русский мир. С. 561-576.

Абдулатипов Р.Г. 2001. Теоретические вопросы развития наций и национальных отношений. — *Основы национальных и федеративных отношений: учебник* (под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова). М.: Изд-во РАГС. С. 15-52.

Алтуфьев Д.Ю. 2012. Этносоциум России: пути разрядки. Продолжение. — *Этносоциум и межнациональная культура*. № 7. С. 7-12.

Гудков Л. 2005. Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам. — *Вестник общественного мнения*. № 6(80). Ноябрь—декабрь. С. 60-77. Доступ: http://ecsocman.hse.ru/data/061/929/1219/08_60-77-Gudkov.pdf (проверено 10.05.2015).

Зверева Г. 2008. Русский проект: конструирование позитивной национальной идентичности в современном российском государстве и обществе. — *Eurasian reviews*. Vol. 1, Nov. P. 15-46.

Малинова О.Ю. 2010а. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 90-105.

Малинова О.Ю. 2010б. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. — *Политэкс. Политическая экспертиза*. № 1. Доступ: <http://www.politex.info/content/view/662/30/> (проверено 12.05.2015).

Мигранян А. 1995. «Русский вопрос» в России. — *Моя газета*. 15.11. № 44. Доступ: <http://www.newlookmedia.ru/?p=15728> (проверено 10.05.2015).

Национальная политика России: история и современность. 1997. М.: Русский мир. 678 с.

Паин Э.А. 2006. Этнополитические условия гражданской интеграции российского общества. — *Общественные науки и современность*. № 6. С. 23-37.

Перегудов С.П. 2013. «Русский вопрос» в контексте этнонациональных отношений в РФ. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 74-86.

Ратленд П. 2011. Присутствие отсутствия: об этнической политике в России. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 172-189.

Тишков В.А. 1997. Концептуальная эволюция национальной политики в России. — *Национальная политика России: история и современность*. М.: Русский мир. С. 597-646.

KUZIVANOVA Olga Yurievna, Dr.Sci.(Hist.), Associate Professor, Director of the Center «Nasledie» named after Pitirim Sorokin (30, Sovetskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russia, 167000; kuzivanova@krags.ru)

THE PROBLEM OF CONCEPTUAL FUNDAMENTALS OF MODERN NATIONAL POLICY OF RUSSIA (the historical background)

Abstract. The first legal and conceptual documents of post-Soviet Russia in the sphere of ethno-national policy bore the stamp of eclecticism. The liberal understanding of the civil nation and the ethno-cultural interpretation of the nation were used simultaneously. Such terminological mixture took place owing to historical features of formation of the USSR as a multinational state. During the post-Soviet period for the purpose of development of the new ethno-national policy it was required to clear up some basic positions, such as the concept of Russian nation, the place and role of the Russian people in the concept of national policy, and the new basic model of national policy. An urgent need for the formation of the single nation within the framework of the Russian state was at the heart of the process of ideological and conceptual construction.

Since 1990s the understanding of the Russian nation as supra-ethnic community has begun to be formed. However ethno-regional elites continued to keep ethnic understanding of the nation instead of the concept of the civil nation. Besides, so called Russian question in search of positive identity of the Russian people was also closely connected with understanding of Russian nation.

As a result of discussions and also as a synthesis of practice of the ethno-national policy of Russia in the 2000s, the government has found a kind of consensus on the matter. It was expressed in eclectic coexistence of understanding of the civil nation, ethno-national terminology, and also in inclusion of the ethnic question into the context of the Eurasian concept with a key role of Russian culture and Eurasian values.

Keywords: ethno-national policy of Russia, Concept of the State National Policy of the Russian Federation, 1996, Strategy of the State National Policy, 2012, formation of Russian nation, Russian question

УДК 94(517)

БАЗАРОВ Виктор Борисович, к.и.н., старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; bazarov_science@mail.ru)

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.: МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Аннотация. Статья посвящена российско-китайским отношениям в первой четверти XX в., касающимся монгольского вопроса. Этот период характеризовался серьезными изменениями в геополитической обстановке в Восточной Азии. Синьхайская революция ознаменовала конец Цинской империи. Независимость Монголии стала актуальной и возможной в силу происшедших изменений в Китае. Россия поддержала сепаратистские настроения Внешней Монголии. В статье показана динамика событий, происшедших после вооруженного взятия Урги, которое фактически спровоцировало взрыв антикитайских настроений, способствовало изгнанию китайских войск с территории Внешней Монголии с помощью идеологических противников – «красных монголов» и следовиков барона Унгерна, в результате чего возвращение Внешней Монголии в лоно Китая в первой четверти XX в. стало фактически невозможным.

Ключевые слова: Монголия, Китай, Россия, независимость Монголии, Восточная Азия

После Синьхайской революции возник вопрос о независимости Монголии. Царская Россия вела осторожную политику в Восточной Азии из-за поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Но при этом Россия не могла отказаться от имперских настроений, которые подталкивали российскую сторону к конкретным шагам в борьбе за узловые территории, в данном случае – за территорию Монголии.